

Т. Баннай  
(Токио, Япония)

T. Bannai  
(Токио, Япония)

**Ожиданная счастли-  
вая встреча с Виктором  
Евгеньевичем.  
К реконструированию  
и историографии  
периода советской  
фольклористики**

**Expected happy meeting  
with Viktor Evgenievich.  
Towards the reconstruc-  
tion and historiography  
of the period of Soviet  
folklore**

**Аннотация**

*В статье японского исследователя рассказывается о его встречах с В. Е. Гусевым. Кроме того, автор анализирует (со своей точки зрения) отношение в советской фольклористике к проблеме взаимоотношения фольклора и литературы, фольклора и этнографии. Главное внимание уделяется вкладу В. Е. Гусева в изучение традиционной культуры, основным направлениям его научной деятельности, в первую очередь монографии «Эстетика фольклора» (1967).*

**Ключевые слова:** советская фольклористика, историография, русская традиционная культура, теория фольклора, эстетика фольклора, труды В. Е. Гусева

**Abstract**

*The article by the Japanese researcher tells about his meetings with V. E. Gusev. In addition, the author analyzes (from his own point of view) the attitude in Soviet folklore studies to the problem of the relationship between folklore and literature, folklore and ethnography. Special attention is paid to his contribution to studies on Russian traditional culture, in particular in his monograph "Ethics of Folklore" (1967), in which were concentrated and epitomized his academic activities and intention.*

**Keywords:** Soviet folklore studies, historiography, Russian traditional culture, theory of folklore, ethics of folklore, V. E. Gusev's works

**1**

**П**режде всего мне хотелось бы рассказать о начальном этапе своих исследований по русской народной культуре.

После того как в студенчестве я написал дипломную работу на тему «Сравнительное исследование фольклора о чистой силе и нечистой — русская русалка и японский водяной дух» (1973), в аспирантуре я занимался обрядовым фольклором с точки зрения русской фольклористики. Тема кандидатской диссертации (1976) — «„В лесах“ П. И. Мельникова-Печерского в свете русской фольклористики и этнографии». Я исследовал не только фольклор старообрядцев и традицион-

календарную жизнь русского народа, запечатленные в произведении, но и структурно-функциональные связи фольклора с литературой, приемы описания народной культуры и др. Потом для подготовительной статьи к докторской диссертации я выбрал тему «Ярмарочная культура и городской фольклор в России» (1979).

Мои темы в целом оказались несосредоточенными и непоследовательными, поэтому наши профессора, которых сильно беспокоила отрывочность и бессвязность моих научных интересов, дали мне два солидных совета: во-первых, нужно усердно заниматься вообще русской филологией и ее историей и тщательно исследовать историю и теории русско-советской фольклористики. И во-вторых, нужно пожить в Советском Союзе, поработать в институтах Академии наук СССР и получить насколько возможно много консультаций русских ученых. Тогда у нас в Японии работало немало русистов и были очевидны успехи, но направления, тематика их работ носили ограниченный характер (русская революция, общественная мысль и история, связанная с революцией, и перевод и ознакомление с произведениями русской литературы). Работ о русском фольклоре и русской народной культуре было чрезвычайно мало<sup>1</sup>.

Благодаря руководителям нам были известны советские классические и стандартные учебники по русскому фольклору (например, «Русский фольклор» Ю. М. Соколова, «Русское народное поэтическое творчество» под ред. Н. И. Кравцова и т. д.). Они были годными, но я нашел гораздо более интересные работы, например труды В. Я. Проппа, К. В. Чистова, Б. Н. Путилова, П. Г. Богатырева, В. Е. Гусева, Е. М. Мелетинского, Н. И. Толстого, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, В. В. Иванова, В. Н. Топорова и т. д., и по историографии русской фольклористики я выбрал и прочитал большой труд М. К. Азадовского. Все это были блестящие ученые и блестящие исследования. И я не помнил себя от восторга<sup>2</sup>. Их работы, хотя некоторые были написаны в тяжелые времена и в них были «ограничения», обусловленные определенной эпохой, несомненно, наследовали ценные дореволюционные направления, методы исследований, ложась прочными и сгущенными пластами, и в то же время не только находили и освещали актуальные стороны в вновь найденных данных — материалах и теориях, но и открывали дальнейшие направления и перспективы народоведения России.

Особенно важно, что с середины 1960-х гг. были очень обоснованно поставлены вопросы о междисциплинарном изучении русской народной культуры, стали разрабатываться такие темы, как «полижанровость обрядового фольклора», «соотношение фольклора и этнографии», «русское язычество», «народный и фольклорный театр», «зрелищно-игровая культура», «городской фольклор»,

<sup>1</sup> Баннай Т. Изучение русского фольклора в Японии // Советская этнография. 1987. № 3. С. 99–105.

<sup>2</sup> Перед командировкой-стажировкой в СССР мы опубликовали маленькую заметку: Баннай Т. Современные течения русской фольклористики и ее проблематика (на японском языке) // Этнографические исследования. 1978. Т. 42 (4). С. 356–368.

«смеховая культура России» и т. д. И примечательные будоражащие работы появлялись одна за другой, хотя и под гнетом советского режима, они продвигались вперед сильно и динамично. Конечно, и работы В. Е. Гусева вполне соответствовали этому движению.

## 2

В 1981–1982 гг. благодаря контракту в рамках международных связей по поощрению наук Министерства культуры Японии и приглашению АН СССР мы с семьей жили целый год в Москве и Ленинграде. Сначала с октября 1981 г. я работал стажером в институте этнографии АН в Москве и собирался как можно полнее ознакомиться с последними исследованиями на тему «обрядовый фольклор». Наш руководитель, В. К. Соколова, которая заведовала группой фольклора Института, в постановке вопроса «обряд и фольклор», «обрядовый фольклор» сосредоточивалась на переоценке работ дореволюционных фольклористов и этнографов. Как наш научный консультант она была настроена дружелюбно, но ее представления по обряду, обрядовому фольклору и точка зрения на соотношение «фольклор и этнография» были традиционны и не вызывали нашей симпатии. Надо было работать самостоятельно в библиотеках и шагать по улицам и пригородам Москвы. Тогда в институте неожиданно появился К. В. Чистов, заведующий отделом восточных славян Института этнографии, и я рассказал ему откровенно о своих мыслях и о научных интересах. Он сразу и решительно заявил: «Как можно скорее в Ленинград!»

Мы переселились в Ленинград в марте 1982 г. Я работал и в Институте этнографии АН, и в Институте русской литературы АН СССР. В отделе восточных славян Института этнографии я общался с научными сотрудниками (К. В. Чистовым как нашим руководителем, Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович, Н. В. Новиковым, Н. В. Юхневой, Б. Н. Путиловым и др.). От них я получил бесчисленно много ценной информации и советов и выступил с маленьким докладом об истории русской фольклористики в Японии<sup>3</sup>. К. В. Чистов проводил много времени с нами; гуляя, знакомил с городом, к примеру, показал здание, где жила знаменитая плакальщица И. А. Федосова, и место жительства А. Н. Бенуа (двор и его квартиру на втором этаже, откуда прекрасно виден Никольский собор)<sup>4</sup>. В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в отделе фольклора я работал несколько дней в неделю и познакомился с научными сотрудниками — В. И. Ереминой, Т. Г. Ивановой, А. Ф. Некрыловой, молодым талантливым Г. И. Мальцевым<sup>5</sup> и др., и там тоже получал много ценной информации и советов.

<sup>3</sup> См. выше, сн. 1.

<sup>4</sup> См. нашу статью «К. В. Чистов и русская фольклористика советского периода» (на русском языке) // *Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences*. 2009. Vol. 50. № 1. P. 81–89.

<sup>5</sup> Он умер преждевременно, когда ему было 36 лет, посмертно была издана замечательная работа: *Мальцев Г. И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л., 1989.

Самое важное происшествие в Ленинграде — это встреча с А. Ф. Некрыловой. В Японии я был совсем не знаком с ее работами, и, когда встретился с ней и узнал, что скоро будет издана ее книга по русскому народному гулянью<sup>6</sup>, мне пришлось оставить надежду на будущее собственное исследование по этой уникальной и важной теме.

### 3

Мы с доктором В. Е. Гусевым встретились в июне 1982 г., но я не помню, через кого и по какой линии мы познакомились (скорее всего, благодаря Г. Г. Шаповаловой). До приезда в СССР я прочитал с большим интересом его книгу «Эстетика фольклора» (1967) и несколько его статей (особенно интересны были «От обряда к народному театру: Эволюция святочных игр в покойника» (1974), «О реконструкции праславянского календаря» (1978))<sup>7</sup>. Нас очень интересовали «субстраты» русской культуры и, по нашей гипотезе, один из этих основных слоев, должно быть, находится в русской народной культуре. В поиске ответов на эти вопросы нам очень помогло русское народоведение, и, когда мы обратились к историографии, не могли не обратить внимания на новые и могучие направления исследований в фольклористике, этнографии, литературоведении, истории, искусствознании, театроведении, языкознании, семиотике культуры и т. д. с 1960-х гг. Но тогда я не мог определить место «Эстетики фольклора» Гусева в историографии советской фольклористики.

По моему дневнику, мы с Виктором Евгеньевичем встретились 22 июня 1982 г. в Институте театра, музыки и кинематографии на Моховой улице, д. 35, на 4-м этаже в кабинете кафедры марксизма-ленинизма. Это был первый официальный визит, и научных разговоров было не так много. Виктор Евгеньевич подарил мне свои последние работы — «Истоки русского народного театра» (Л., 1977), «Русский фольклорный театр XVIII — начала XX века» (Л., 1980) и много оттисков — и обещал новую встречу. Конечно, мы с ним встречались неоднократно. Следующие встречи были 25 июня, 13 июля и 25 июля. Наши свидания в действительности не были встречами, а своего рода «лекциями» или спецкурсами по «учебникам», которые он подарил мне. Место лекций — в комнате кафедры, в пустой аудитории, на стуле в коридоре института, на улице — на скамейках Летнего сада и в моей квартире. Его лекции продолжались полтора или два-три часа. Содержание лекций: сначала Виктор Евгеньевич спрашивал, что я понял и не понял в учебниках и почему не понял, и еще вопросы и ответы. В конце лекции он всегда спрашивал, какая у нас в Японии научная ситуация и дискуссии по затрагиваемым нами во-

<sup>6</sup> Книга А. Ф. Некрыловой «Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века» (Л., 1984) была переведена нами и издана в Токио в 1988 г.

<sup>7</sup> Статья В. Е. Гусева «О критериях фольклорности современного народного творчества» (в сб.: Современный русский фольклор. М., 1966. С. 7–23) переведена на японский язык; перевод напечатан в научном журнале «Фольклорное обозрение» (Ооцука. Общество фольклористики в Токио). 1970. Т. 4. С. 59–71.

просам и по фольклористике вообще. Это было очень серьезное и суровое время, но было очень приятно, так как иногда мы с ним гуляли в садах и парках и пили чай. 1 августа — в день нашего отъезда из Питера — он прибежал к нам после 5 часов вечера, и мы скромно пообедали японской едой и пили японский чай с цветами сакуры.

После нашего пребывания в Ленинграде мы с Виктором Евгеньевичем часто встречались на международных конференциях и перед или после наших командировок (даже на Московском вокзале в вагоне «Красной стрелы»). Раз я передал ему краткое содержание и заглавие докторской диссертации на тему «Пересмотр историографии русской фольклористики», которую я защитил в 1995 г., и Виктор Евгеньевич тотчас сообщил о ней<sup>8</sup>.

#### 4

Я написал много о мелочах — своих делах. Чтобы заметка сделалась не личными воспоминаниями, а ретроспективой в смысле слов Р. Якобсона<sup>9</sup>, надо писать о многоэлементных работах В. Е. Гусева. Хотелось бы остановиться только на двух вопросах. Во-первых, об актуальном значении «Эстетики фольклора» (1967) в историографии советской фольклористики и во-вторых — в чем заключается «могучая сила и ее источник» работ Гусева.

Как сказано в начале этой заметки, я прочитал «Эстетику фольклора» с большим интересом, но надо признать честно, что тогда не смог полностью объяснить для себя, в чем ее суть — неточно понимал намерение и идею автора и упустил «новаторство» этой проблемной монографии.

Ясно, что «Эстетика фольклора» (1967) — итоги и достижение теоретических разысканий Гусева, которые начались с 1950-х гг. и были опубликованы как три книги: «Русские революционные демократы о народной поэзии» (1955), «Марксизм и русская фольклористика конца XIX — начала XX века» (1961) и «Проблемы фольклора в истории эстетики» (1963). В первых двух монографиях указывалось на большое влияние господствовавших в то время направлений гуманитарных наук на основе марксистско-ленинской методологии, и мы не можем не признать, что такая же тенденция еще присутствует и в «Эстетике фольклора».

Однако надо заметить, что в третьей монографии проявились иные подходы к проблематике по фольклору. В «Проблемах фольклора в истории эстетики» автор занялся исследованием и выяснением теоретических сущностей фольклора с точки зрения эстетики и истории эстетики. Чтобы решить эти трудоемкие задачи, ему надо было, хотя бы бегло и обзорно, описать историю эстетики с самого начала постановки вопроса в Западной Европе — как представляли фольклор античные философы-эстетики и литераторы, гуманисты и мыслители эпох

<sup>8</sup> Гусев В. Е. Японский исследователь о русском фольклоре // Живая старина. 1996. 2 (10). С. 61.

<sup>9</sup> Jakobson R. Retrospect // Selected Writings 4. Paris: The Hague, 1966. P. 635–704.

Средневековья и Возрождения, просветители и немецкие идеалисты Нового времени. Во второй половине книги (гл. 5 и 6) автор, разумеется, писал об эстетических идеях в России и в СССР, а также пересмотрел работы революционных демократов и критиков (особенно В. В. Стасова) и теоретиков-философов советского периода.

Нас интересует не «заключение» или самое описание официальных объяснений-клише, а внутренняя мотивировка описания, или, вернее, подлинная установка В. Е. Гусева. Когда он написал подряд первые две монографии и пересмотрел историю советской фольклористики с 1920-х гг. и современных исследований по теории русского фольклора, ему четко представилось, что у советской фольклористики, с одной стороны, было много больших успехов в собирании материалов, но, с другой стороны, теория фольклора была очень слабо развита, и в большинстве случаев положения и критерии были заимствованы из других отраслей гуманитарных наук. Было необходимо установить собственную и самостоятельную теорию относительно советской фольклористики. Он решил подойти к этой проблеме через категорию эстетики, или, иными словами, пролить свет на фольклор с точки зрения эстетики и истории эстетики<sup>10</sup>. И для исследования этих вопросов Гусев вынужден был начинать от донаучных-дофольклористических периодов и к тому же углубиться в эстетическо-философскую историю Западной Европы от классики до новейших времен. Конечно, в России и после революции обсуждались разные положения эстетики, особенно с марксистско-ленинской позиции, но в процессе углубления в историю эстетики Западной Европы автор отметил важные положения, имеющие отношение к теории фольклора, на которые русская и советская фольклористика не обращала внимания, хотя иногда эти западноевропейские постулаты упоминались.

Гусев, как один из участников редакционной коллегии в глубоко продуманном словаре «Восточнославянский фольклор» (1993), писал, что «эстетика фольклора — смежная научная дисциплина, изучающая фольклор в связи с проблематикой и методологией эстетики как философской науки, разрабатывающая под этим углом зрения теоретические проблемы фольклористики»<sup>11</sup>. Гусев не

---

<sup>10</sup> Когда мы вспоминаем, что в 1940-х гг., особенно в Ленинграде, возник научный «скандал», как представлял этот «диастрогизм» или «землетрясение» Виктор Евгеньевич? Без пересмотра этой ситуации нельзя составить представление о Гусеве. Было ли возможно Гусеву не обратить внимания на эстетику и ее историю в Западной Европе, на работы А. Н. Веселовского, которые тогда резко критиковали как образцы компаративизма и космополитизма (см. ниже, сн. 14)? О таких научных ситуациях см.: *Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Т. 1, 2. М., 2012. Конечно, после Второй мировой войны до 1955 г. Виктор Евгеньевич работал в Челябинске и участвовал в экспедициях по Южному Уралу.

<sup>11</sup> Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. С. 462–463. В качестве теоретических проблем он перечислял «отношения между фольклором и действительностью (природной, социальной); генезис фольклора и его специфика как род творческой деятельности человека; проявление в фольклоре эстетического сознания народа, его эстети-

мог не признать, что нужно как можно осторожнее применять марксистско-ленинские позиции об эстетике к советской фольклористике и нельзя механически переносить на традиционную культуру сложившиеся марксистские схемы. Сама категория «эстетика» как особое проявление мышления, интеллекта, чувства и воли требовала коренного пересмотра теории советской фольклористики, которая во многом опиралась на марксистско-ленинские идеи. Заметим, что через концепцию «эстетики» Гусева русский фольклор был «освобожден» от официальной идейности. Обратившись к народности как основной концепции фольклористики, он высказался четко и решительно: «народность фольклора — историческая идейно-эстетическая категория»<sup>12</sup> и «идейность — основной, но не единственный критерий народности фольклорного произведения»<sup>13</sup>.

Нас ожидает много проблем в установлении, когда и как формировалась советская фольклористика, и чтобы решить эти проблемы, нужно будет много исследований и дискуссий. Если предложить, что советская фольклористика образовалась как «прототип» условно до середины 1930-х гг., литературоведение того времени значительно помогло фольклористике и оказало большое влияние на нее, но подчинило фольклористику и на уровне ключевых понятий и концепций, и на уровне методологии. И это несмотря на то что практически тогда же Р. Якобсон и П. Богатырев предложили превосходный тезис о «размежевании» фольклористики и литературоведения (1929, 1931)<sup>14</sup>. Господствовавшее представление о фольклоре как словесном искусстве закрепилось в термине «устное народное поэтическое творчество». Правда, литература и фольклор тесно связаны друг с другом, но все же это явления разного порядка. Однако господство первой точки зрения сказалось на решении Первого всесоюзного съезда советских писателей (1934), признавшем фольклорное творчество особого рода литературой, «предлитературой», созданной неграмотным простым народом и бесписьменными народами России. Поэтому советская фольклористика ориентировалась прежде всего на советское литературоведение, выбрав литературоведение как своего рода модель методологии фольклористических исследований, в результате чего такие смежные дисциплины, как этнография, музыковедение, хореография,

---

ческого идеала; закономерности процесса исторического развития фольклора; морфология фольклора, его классификация, генеология родов, видов и жанров; коллективность творческого процесса в фольклоре; специфика эстетического восприятия фольклора; особенности проявления в фольклоре основных эстетических категорий; взаимосвязи фольклора и других видов народного искусства как систем единой художественной культуры; место фольклора в национальной и мировой художественной культуре; фольклор как средство эстетического восприятия». Нам нужно решить и ответить на эти вопросы, заданные Гусевым.

<sup>12</sup> Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967. С. 44.

<sup>13</sup> Там же. С. 49.

<sup>14</sup> Конечно, статья-тезисы была печатана не в СССР: *Jakobson R. mit Bogatyrev P. Die Folklore als eine Besondere Form des Schaffens // Jakobson R. Retrospect. Selected Writings 4. Paris: The Hague, 1966. P. 1–15; Якобсон Р., Богатырев П. К проблеме размежевания фольклористики и литературоведения // Ibid. P. 16–18.*

театроведение и т. д., которые должны работать совместно с фольклористикой, «отпали» от нее и остались вне поля зрения фольклористики-народоведения.

Надо подчеркнуть, что благодаря научной традиции, вообще характерной для ленинградской школы, самостоятельность фольклора и необходимое сотрудничество фольклористики с этнологией, этнолингвистикой, музыковедением и др. близкими дисциплинами показали четко работы В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова, К. В. Чистова, Т. А. Бернштам, И. И. Земцовского и др. Не случайно в 1970-е гг. Б. Н. Путилов стал инициатором сборников «Фольклор и этнография», получивших большое признание, и позднее Л. М. Ивлева стала основателем совсем новой дисциплины — этнотеатроведения, обратившись к ряженью и шире — к фольклору с точки зрения обрядовых, дотеатрально-игровых аспектов.

Вернемся к Виктору Евгеньевичу. По Гусеву, фольклор является самостоятельной областью культуры со своими специфическими признаками и закономерностями развития, и фольклористика обязана подходить к произведениям народной культуры как к сложным, полифункциональным явлениям, при изучении которых необходимо применять комплексный метод. Хорошо известно, что Гусев предложил схему классификации фольклорных произведений как словесных, музыкальных, хореографических и драматических<sup>15</sup>. Разумеется, по конкретным фольклорным произведениям надо уточнять, корректировать схему и сейчас, и в будущем, но благодаря классификации Гусева фольклор признавался составной частью всей духовной и физической культуры народа. И благодаря в том числе критериям эстетики основные понятия и концепции по фольклору могли получить теоретические основы.

Как мы утверждали, с конца 1950-х по начало 1960-х гг. Виктору Евгеньевичу было тяжело продвигать и устанавливать новые подходы к фольклору и теоретическому осмыслению его.

Время до и после 1960-х гг. является «переходным», или «переворотом» и для Гусева, и для советской фольклористики, и, может быть, именно в 1960-е советская фольклористика вступила в новую фазу.

Монография «Эстетика фольклора» Гусева на теоретическом уровне давала и дает сейчас много предметов для обсуждения<sup>16</sup>.

---

<sup>15</sup> Гусев В. Е. Эстетика фольклора. С. 162–163.

<sup>16</sup> Что касается японской фольклористики, проблематика «эстетики фольклора» не установлена и сейчас. Правда, «эстетика» как западноевропейская идея заимствовалась после того, как в эпоху Мэйдзи (новейшее время с 1868 г.) японские интеллигенты учились у Западной Европы, и сейчас очень широко распространена. Но в отрасли фольклористики Японии не только дискуссий, но и упоминаний почти нет. В самом деле, у нас было бесчисленно много материалов и собранных текстов фольклора, и по поводу теорий и методологий, которые фольклористы вырабатывали самостоятельно или заимствовали, до сих пор было немало работ, но в основном японская фольклористика не так глубоко теоретизирована и не обратила и не обращает никакого внимания на «эстетику фольклора». Будет очень перспективно пересмотреть историографию японской фольклористики с точки зрения эстетики фольклора. Еще надо добавить, что, несмотря на то что у России и Японии нет общих фонов культуры, что касается историографии наук, которая сложилась после заимство-



Перейдем ко второму вопросу: в чем заключается «могучая сила и ее источник» в энергичных работах Гусева?

Виктор Евгеньевич был талантливым активным организатором. Как хорошо известно, он постоянно призывал многих фольклористов, этнографов, музыковедов, хореографов — и ученых, и практиков — к участию в научных конференциях и чтениях, и сам был всегда готов приняться за новые научные планы.

Характерно, что Гусев был строгим теоретиком, или, по крайней мере, он убеждал себя, что фольклорист должен быть теоретиком. Он корректно, но резко критиковал затвердение и окостенение фольклористики и узкую специализацию фольклористов. Так как он старался найти путь к теоретическому обобщению на высоком уровне, он предложил решительный пересмотр современных концепций и призывал к новым совместным, комплексным экспедициям и исследованиям. К тому же у Гусева, прекрасного знатока зарубежной и отечественной фольклористики, было тонкое чутье по отношению к эпохе, к актуальному научному интересу эпохи. В «Эстетике фольклора» упоминались не только работы В. М. Жирмунского, Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа, но и К. Г. Юнга, К. Леви-Стросса, А. Лорда и т. д.

Надо признать, что важной установке Гусева на теорию фольклористики сопутствовала его горячая страсть к русскому народному искусству и культуре и большое научное стремление (даже инстинктивное) к соединению или концентрации многочисленных и многоаспектных культурных явлений. И устремление научных поисков Гусева на «всеобщность» или «целостность» (если называть условно), может быть, наследовалось от достижений русской филологии с середины XIX в.<sup>17</sup> С такими традиционными идеями и концепциями Гусев занялся объединением богатых, но самых разнообразных исследований в области фольклористики, этнографии, литературоведения, музыковедения, хореографии, театроведения и т. д.

Самый дискурс «всечеловечество», «всечеловеческий» рождался в Западной Европе во второй половине XVIII в., и почти одновременно или немного позже и в России (например, фигура А. Н. Радищева и др.). Потом с середины XIX в., когда не только русская фольклористика, но и вообще филология и гуманитарные науки развивались интенсивно, всегда шел поиск «субстрата» всечеловеческой

---

вания из Западной Европы, и по поводу внедрения термина «фольклор» (каким образом «фольклор» стал или не стал научным термином), у обеих стран есть много общего.

<sup>17</sup> Например, работы А. Н. Веселовского. Виктор Евгеньевич очень высоко ценил его как выдающегося слависта и с ранних лет определил место его больших работ в славяноведении. См. статью Гусева «Проблемы теории и истории фольклора в трудах А. Н. Веселовского конца XIX — начала XX в.» (Русский фольклор. 1962. Т. 7. С. 217–240). О крупной кампании 1940-х гг. против Веселовского и его школы см.: *Дружинин П. А. Идеология и филология...* (особенно т. 1, гл. 3).

культуры. Своего рода «романтизм» лежал в основе поисков русской фольклористики и до/после революционной эпохи всечеловеческой культуры. Когда Виктор Евгеньевич указывал на жизненность и жизнеспособность фольклора, на то, что фольклор — искусство, связанное со всесторонней жизненной и художественной деятельностью человечества, мы не можем не отметить, что Гусев — не только фольклорист, философ, историк культуры, но и большой гуманист и романтик.

## 6

По верному замечанию А. Ф. Некрыловой, активность работы Гусева в сфере русского фольклора объясняется и особенностями его личности — с преобладанием стабильности, уверенности, мудрого оптимизма. Гусев был всегда верен свободе мыслей и был наделен гибкостью мысли.

Что касается нынешнего состояния русской фольклористики и исследований по русской народной культуре, почти не существует «больших теорий», «большой идеологии» или научных «догм», которые раньше иногда назывались «советским академизмом». У нас сейчас информации и материалов на страницах Интернета чрезмерно много, но новизна в большинстве случаев оказывается внешней и лженаучной. Самое важное и критическое — нет «общего текста», на основе которого раньше исследователи обсуждали, дискутировали страстно и горячо с чисто академическим стремлением и научным любопытством. Сейчас много конференций и научных книг-монографий, однако существует ли пространство подлинных дискуссий, научных «ссор»-диалогов, чтобы выполнить задачу (миссию) наших исследований — фольклористики и гуманитарных наук?

Мы помним, что Виктор Евгеньевич очень любил «ссориться», конечно, о чисто научных предметах, горячо или спокойно, но всегда интеллектуально и интеллигентно. Он никогда не останавливался, сразу задавал вопросы и придумывал новую проблематику. Он хорошо понимал, что без интенсивных и честных дискуссий науке невозможно продвинуться. Виктор Евгеньевич отмечал, что нужно отказаться от узкой специализации и индивидуализации фольклористов-ученых. Важно то, что он ударил в набат против разобщенности и изоляции специалистов по фольклору.

Когда Гусев написал, что существенным признаком народности «является демократизм системы образов»<sup>18</sup>, здесь ясно сказалось его научное убеждение и даже вера в фольклор. Его образ поведения или манеру поступков, может быть, «гражданскую позицию ученого» нам хотелось бы назвать призыванием или назначением настоящей русской интеллигенции близости к народу и деятельности для народа. Мы должны совместно владеть тем, что всю жизнь он искал в фольклоре и в русской народной культуре.

---

<sup>18</sup> Гусев В. Е. Эстетика фольклора. С. 49.

## **Литература**

- Баннай Т. К. В. Чистов и русская фольклористика советского периода»* (на русском языке) // *Hitotsubashi Journal of Arts and Sciences*. 2009. Vol. 50. № 1. P. 81–89.
- Баннай Т.* Изучение русского фольклора в Японии // *Советская этнография*. 1987. № 3. С. 99–105.
- Баннай Т.* Современные течения русской фольклористики и ее проблематика (на японском языке) // *Этнографические исследования*. 1978. Т. 42 (4). С. 356–368.
- Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии.* Минск, 1993.
- Гусев В. Е.* О критериях фольклорности современного народного творчества // *Современный русский фольклор*. М., 1966. С. 7–23.
- Гусев В. Е.* Проблемы теории и истории фольклора в трудах А. Н. Веселовского конца XIX – начала XX в. // *Русский фольклор*. 1962. Т. 7. С. 217–240.
- Гусев В. Е.* Эстетика фольклора. Л., 1967.
- Гусев В. Е.* Японский исследователь о русском фольклоре // *Живая старина*. 1996. № 2 (10). С. 61.
- Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Т. 1, 2. М., 2012.
- Jakobson R. mit Bogatyrev P.* Die Folklore als eine Besondere Form des Schaffens // *Jakobson Roman. Retrospect. Selected Writings 4*. Paris: The Hague, 1966. P. 1–15.
- Jakobson R.* Retrospect // *Selected Writings 4*. Paris: The Hague, 1966. P. 635–704.